

включил в своих «Пирующих софистов» подлинное начало «Массалиотской политики» Аристотеля, рассматривая его как еще один рассказ о чудесной любви.

Итак, Аристотель, вопреки наиболее распространенной традиции, обратился в рассказе об основании Массалии (поместив его в начале «Массалиотской политики») к собственно массалиотскому преданию, притом связанному с родом Протиадов, явно рассматривая его как более историческое. Само это предание дошло до него через какого-то посредника или цепь посредников, внесших некоторые несвойственные первоначальному варианту детали. Однако при всем авторитете Аристотеля его рассказ не получил распространения в греческой литературе.

А. С. ШОФМАН

Александр Македонский как дипломат

В огромной, можно сказать, безбрежной и даже трудно обозримой литературе об Александре Македонском и его восточных походах нет ни одной работы, которая бы специально исследовала его дипломатическую деятельность. Между тем, без изучения этого вопроса невозможно понять, как Александру так сравнительно легко и быстро удалось завоевать огромное количество стран и народов, справиться с невероятными трудностями, встретившимися на пути. Обычно все успехи македонского дела на Востоке объяснялись исключительно военным гением македонского полководца или слабостью противника Александра. При этом не учитывалось должным образом, какую роль сыграли дипломатические меры царя Македонии в разьединении противника, в достижении победы над ним, в завоевании восточных стран вообще. Этим обеднялась общая историческая картина и односторонне отражался исторический процесс. Поэтому решение вопроса о роли международных отношений и дипломатии того времени, всестороннее изучение связей Македонии, Греции и восточных государств имеет большое значение для объективного освещения событий древности в один из важнейших ее периодов¹.

В. И. Ленин в работе «О сепаратном мире» отмечал, что

¹ См.: *Тарков П. Н.* К истории международных отношений в античном мире // ВДИ. 1950. № 2. С. 28—36.

не только война является продолжением политики, но и политика продолжается во время войны². Это положение подтверждается историей всех времен и народов, в том числе и эпохой эллинизма.

Как известно, война почти все время сопровождала внешнюю политику Александра. Из 13 лет его царствования не было фактически ни одного мирного года. Это положение, естественно, заслонило дипломатические действия, которые являлись средством осуществления внешней политики, ее практическим воплощением в жизнь. Трудно было дипломатии соперничать со славой знаменитых военных побед Александра. В отличие от последних дипломатические акции не вызывали соответствующего резонанса. Возможно, и этим объясняется тот факт, что дипломатическая деятельность Александра не получила до сих пор должного освещения.

В приобретении дипломатических навыков первым учителем «великого завоевателя» был его отец Филипп II — царь Македонии, талантливый государственный деятель, полководец и дипломат. Он с юного возраста учил сына понимать значение дипломатии и скрытое таинство дипломатических действий, гибкости дипломатической практики, нравственным принципам и нормам этого сложного вида человеческой деятельности. Александр видел, какие дипломатические методы применял отец при заключении договоров, которые он не соблюдал; обещания, которые он давал грекам для того, чтобы выиграть время; изворотливую хитрость, при помощи которой он разъединял греческие города, сеял измену в рядах своих противников, широко используя подкупы; поддерживал друзей, склонял на свою сторону колеблющихся, без зазрения совести обманывал противника³. Под влиянием таких действий у Александра довольно рано проявились дипломатические способности. Он был талантливым учеником своего не менее талантливого отца и в процессе восточных походов сумел преумножить свои знания, обретая все новые формы и методы дипломатического искусства, сообразуясь с новыми задачами, с которыми его сталкивали текущие события.

Плутарх сообщает, как в отсутствие Филиппа совсем юному Александру пришлось самому принять персидских послов. Он подружился с ними и покорила их своей любезностью и вопросами, в которых не было ничего детского и пустого. Он

² Лечин В. И. Полное собр. соч. Т. 30. С. 187.

³ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 36—37.

расспрашивал о длине дорог, о том, как пройти в глубь Азии; об отношении царя к войне, о силе персидского войска. Послы приходили в изумление: прославленная мудрость Филиппа стала казаться им ничтожной по сравнению с замыслами его сына (Plut. Alex. 1).

При осуществлении этих замыслов Александр широко использовал не только оружие, но и все имеющиеся у него дипломатические средства. В его арсенале, прежде всего, было формирование общественного мнения, разьединение потенциальных врагов, устрашение и наказание непокорных.

Еще до начала восточных походов Александр, приняв царскую власть, ласково обращаясь с посольствами, прибывшими в Эги из городов Эллады, внушил грекам желание сохранить к нему ту же благожелательность, с которой они относились к его отцу (Diod. XVII. 2. 1—2.).

По указанию Дiodора (XVII. 1. 1.), в Греции Александр сумел усмирить одних своих противников, действуя словом и убеждением; других подчинил страхом, а некоторых покорил силой. Но главную роль в греческих делах он отводил дипломатическим акциям, поскольку был заинтересован в создании более или менее устойчивого мира в Элладе накануне восточной экспедиции. Учитывая разобщенность антимакедонских сил, непрерывную борьбу внутри греческих полисов и между ними, он продолжал действовать теми же средствами и методами, которые применялись Филиппом II. Так, Александру удалось склонить на свою сторону фессалийцев и совет амфикионов, давая им различные обещания, выполнять которые он не имел намерения. Он отправил дружественное посольство к амбракиотам и убедил их в том, что скоро они получат автономию (Diod. XVII. 4. 3.) Афинским послам, пришедшим к нему с просьбой простить их за то, что их город замедлил с предоставлением ему гегемонии, он принял доброжелательно и дал ласковый ответ (Diod. XVII, 4. 6. 9.).

Однако при всем внешнем миролюбии его дипломатия опиралась на реальную военную силу устрашения — македонскую армию. Фиванский разгром — тому яркое доказательство. Но и здесь Александр был чрезвычайно осторожен, стараясь показать грекам, что он стоит за справедливость. У афинян он потребовал выдать тех 10 ораторов, которые действовали против него (Diod. XVII. 15. 1.), но предложил грекам самим решить судьбу Фив. В угоду ему они вынесли жестокий приговор: жителей города продали в рабство, а город до основания разрушили. Это наказание, как справедливо отме-

част Ф. Шахермайр, превысило меру справедливости. После этого на съезде в Коринфе ему удалось без труда «своими разумными и кроткими словами» убедить эллинов назначить его полномочным военачальником Эллады и идти вместе с его армией на персов, чтобы наказать их за вину перед греками (Diod. XVII. 4.9). Поскольку Коринфский конгресс вручил Александру полномочия гегемона эллинов и решил объявить персам «войну отмщения», союзные греческие государства должны были послать в македонскую армию свои воинские контингенты, которые были довольно внушительными. Из всех греческих государств одна лишь Спарта отказалась присоединиться к решениям Коринфского конгресса, но она для Александра не представляла особой опасности, так как находилась в полной политической изоляции⁴.

Зная панэллинизма, которое поднял Александр перед началом своей восточной эпопеи, служило ему хорошую службу до тех пор, пока война велась под лозунгом мщения. Это была важная дипломатическая акция, которая способствовала привлечению греков на сторону Александра для решения практических целей. Он особенно добивался расположения греческой интеллигенции, что позволило бы ему выступить в поход как поборнику эллинской культуры. Именно этим можно объяснить визит Александра к кинику Дногену (Plut. Alex. 14)⁵. Этим же целям служил и десятидневный праздник, устроенный Александром перед восточным походом, на который были приглашены друзья, военачальники и посольства от городов (Diod. XVII. 16. 4).

Все это свидетельствует о том, что Александр еще до восточной экспедиции понял значение дипломатии в решении сложных задач внешней политики, лавируя и приспособлявая ее в зависимости от конкретной обстановки. Особенно очевидно это стало в Малой Азии.

На первом этапе похода Александру необходимо было завоевать малоазийскую территорию, для чего он должен был заручиться поддержкой ионийских городов. С этой целью им широко использовался тот же спекулятивный лозунг отмщения персам, который довольно хорошо послужил ему в Греции и должен был сыграть свою роль в городах Малой

---

⁴ Ср.: Briant P. *Alexander le Grand*. P., 1974. P. 27—30; Adcock F., Mosley D. J. *Diplomacy in ancient Greece*. L., 1975. P. 100.

⁵ Ср.: Hamilton J. R. *Plutarch, Alexander: A commentary*. Oxford, 1969. P. 34.

Азии⁶. Но здесь этот лозунг приходилось осуществлять иными, чем в Греция, средствами. Дело в том, что в Элладе Македония опиралась на олигархию, которая по духу и действиям была близка македонской знати и поддерживала ее. Демократические элементы были ей ненавистны. Но в Малой Азии олигархические элементы уже оказались подчиненными персам, им сопротивлялись одни демократы. В этих условиях оказалось выгодно поддерживать демократов, которые помогли ему громить сторонников персов (Hdt. VI. 43). Напрасно Ф. Шахермайр считает, что такое изменение в политике ничего не стоило ни Александру, ни македонской знати⁷. В действительности македонский царь пошел на эту меру потому, что у него не было другого выхода, и он знал, что вызовет этим известное недовольство греческих союзников, что это претило убеждениям македонской аристократии и его собственным. Но как трезвый политик он понимал, что в Малой Азии другой опоры не найти, и выбор сделал правильный. Об этом свидетельствуют многочисленные посольства, которые начали прибывать с изъявлением покорности. Так, посольство из Сард вручило ему ключи от города. Он же, как утверждает Арриан, разрешил жителям Сард и остальным лидийцам жить по старинным лидийским законам и даровал им свободу. Это должно было означать, что Александр отныне выступает здесь как «освободитель» греков от тяжелого персидского ига. В Ликии послы от фаселитов пришли «увенчать Александра золотым венцом и просить у него дружбы». Извещенные об этом, многие города нижней Ликии также прислали посольства (Arr. I, 24, 1). К Александру прибыли послы от селгов с просьбой о дружбе, с которыми он заключил мир, и с этого времени они неизменно были ему верны (Arr. I. 28. 1).

Эти мероприятия не были новацией македонского полководца. Нам известно, что до него к таким дипломатическим шагам прибегали персы еще во время греко-персидских войн. Так, когда Мардоний в походе 492 г. до н. э. достиг Ионии, он низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление. Геродот называет это самым выразительным событием. И если Александр в Малой Азии повто-

⁶ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 6, 51; О факторах, определявших позиции Александра в отношении малоазийских греков, см.: Маринович Л. П. Александр Македонский и полисы Малой Азии // ВДИ. 1980. № 2. С. 42.

⁷ Шахермайр Ф. Указ. соч. С. 108.

рил опыт самих персов, это говорит о том, что в дипломатических действиях он широко использовал уроки предшественников.

Дипломатию Александра по отношению к греческим городам Малой Азии основные источники расценивают как «освобождение» их из-под власти Ахеменидов. Александр всюду уничтожал олигархию и восстанавливал демократическое правление, разрешал горожанам жить по их законам, снимал подати, которые они платили персам (Арг. I. 18. 2)⁸. Так, в частности, он поступил с городами Эфесом (Арг. I, 14. 10), Магнесией и Траллами (Арг. I. 18. 2). Распоясавшиеся демократы, победившие своих врагов с помощью военной силы Александра, принялись грабить, конфисковывать имущество олигархов, выносить им кровавые приговоры. В этих случаях царь вынужден был вмешиваться. Так было в Сардах, так было и в других городах. Но приказ Александра о замене олигархических режимов и выдвижении демократов совсем не свидетельствовал о его демократических убеждениях, а говорил о ловком дипломатическом шаге, об умении ориентироваться в изменившейся обстановке. «Свобода» малоазийских греческих городов была, по выражению Ф. Шахермайра, «фасадом, предназначенным скрывать новое господство». Она означала введение македонских гарнизонов вместо персидских, учреждение новых налогов, уплачиваемых македонянам взамен персидских податей. Города Ионии и Эолиды даже не были включены Александром в состав Коринфского союза, который был превращен в фикцию. Он не хотел предоставить греческим городам Малой Азии даже возможность такого объединения⁹. Им позволено было образовать свой округ, который уже не назывался сатрапией, однако находился под неослабным присмотром протектора Александра «ловкого дипломата Алкимаха»¹⁰.

Нельзя сказать, что панэллинская пропаганда и дипломатия Александра имели здесь полный успех. Некоторые крупные города, как Милет и Галикарнас, понявшие истинные цели македонского полководца, не поддались на его дипломатические ухищрения и оказали решительное сопротивление. В таких случаях Александр отказывался от дипломатического прикрытия, забывал о лозунге освобождения и объединения малоазийских греков и брал города штурмом.

⁸ Brunt P. A. The aims of Alexander // Greece and Rome. 1965, V 12. No 2. P. 205.

⁹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950. С. 60—61.

¹⁰ Шахермайр Ф. Указ. соч. С. 158.

Панэллинизм не мог во всех случаях быть главным звеном в александровской политической стратегии. Действительность заставляла нередко менять позиции и руководствоваться иными дипломатическими соображениями. Так, Александр пощадил попавших к нему в плен жителей Милета (Агг. I. 19. 6; Diod. XVII. 22. 5), подчеркнув тем самым свою приверженность панэллинским идеям, но это не помешало ему сравнять с землей Галикарнас (Агг. I, 23, 6; Diod. VII. 27. 6). Если после битвы при Гранике Александр взял в плен греческих наемников и в цепях отправил их на работы в Македонию как предателей, сражавшихся на стороне персов (Агг. I. 16. 6), то после взятия Милета он пощадил 300 наемников и включил их в состав своего войска (Агг. I. 19. 6).

В условиях Малой Азии дипломатическая деятельность не могла не претерпеть существенных изменений. Мелкие уступки, обещания и подобные им приемы, широко использовавшиеся в Греции, в Малой Азии почти не применяются. Александр открыто перешел к дипломатии с позиции силы. Малоазийские города теперь могли рассчитывать на благосклонность Александра лишь в том случае, если они присылали ему представительные посольства с богатыми дарами и готовы были заключить с ним мир на его условиях. Но и договор о «дружбе» не признавал полной их свободы и был связан с некоторыми ограничениями их самостоятельности¹¹. Пример тому — посольство фаселитов, которое наградило Александра золотым венцом и просило у него дружбы. Последний же велел им, как и лкийцам, сдать свои города тем, кого он к ним направит (Агг. 24.6). Все города были сданы. Пафлогонцев, добровольно сдавшихся и просивших не вводить в их земли войска, Александр распорядился включить в подчинение Калату, сатрапу Фригии (Агг. II, 4. 1-2). Курций сообщает, что царь даже взял у них заложников (III. 1. 23). За этими действиями Александра ясно прослеживается стремление подчинить занятые территории и укрепить свою власть на них.

Если же население малоазийских городов и областей пыталось выйти за пределы рамок, определенных дипломатическими требованиями Александра, его ждало суровое наказание. По свидетельству Арриана, дипломатия Александра в подобных случаях играла важную роль по поддержанию его политического авторитета.

¹¹ Крюгер О. О. Арриан и его труд «Походы Александра» // Арриан Поход Александра. М.; Л., 1962. С. 37.

Как известно, при осаде Милета горожане прислали к царю посольство, которое сообщило, что милетяне согласны открыть ворота и гавань города одинаково для македонян и персов и просят на этих условиях снять осаду (Агг. I. 19. 1). Александр, хотя и требовал безоговорочного подчинения, пошел на этот компромисс, но на следующий день начал штурм города.

В Памфилию к Александру прибыли послы из Аспенда, которые сдали город, но просили не ставить там гарнизон (Агг. I. 26. 2-3). Александр удовлетворил эту просьбу, но тут же потребовал от аспендийцев уплаты 50 талантов его войнам и поставку лошадей для его армии. Когда же узнал, что горожане не выполняют эти условия, с войском подошел к Аспенду и несмотря на то, что город был хорошо укреплен и осада его была сопряжена с большими трудностями, ужесточил свои требования. Удвоив сумму выкупа, он взял в заложники знатных горожан и подчинил Аспенд своему сатрапу (Агг. I. 27. 3).

В Малой Азии Александр в конце концов стал понимать, насколько противоестественной была для него опора на демократические элементы. В связи с этим он стремится заручиться поддержкой местной власти. В дальнейшем это стремление вызовет сопротивление прежних единомышленников. В Малой Азии Александр решил эту проблему в совокупности с запутанными внутренними династическими вопросами, которые приобретали особую остроту в малоазийской области Карии (Агг. I. 23. 8).

После битвы при Иссе и сокрушительной победы над персидским царем в александровской политике и дипломатии появились новые тенденции. С завоеванием малоазийских земель была, по существу, выполнена программа Филиппа. В нее не входило завоевание всей Персии, тем более установление мирового господства. Но планы сына шли гораздо дальше. На Востоке перед ним встали принципиально новые задачи, которые требовали отказа от старых традиций и введения новых форм внешнеполитических отношений. Убедившись в слабости Персидской державы и в возможности ее завоевать, Александр с присущим ему энтузиазмом и упорством взялся за осуществление этого плана. Характерно, что перед битвой при Иссе Александр объявил своим войнам, что этим сражением завершится для них покорение Азии (Агг. II. 7. 6). Но после этого сражения он уже никогда не повторял этих слов, потому что в его планы были внесены существенные коррективы, и они получили новую направленность.

Это нашло свое яркое выражение в переговорах Дария с Александром и в переписке между ними¹².

В источниках существуют разночтения по вопросу о количестве посольств Дария к Александру. Так, Арриан и Диодор сообщают о двух попытках персидского царя заключить мир, Плутарх — об одной, Курций и Юстин — о трех. Эти сообщения, а также сведения Диодора объединяет то, что последнее посольство персов состоялось незадолго до битвы при Гавгамелах. С. И. Ковалев считал, что легенда о месопотамском посольстве возникла из желания древних авторов придать решающему столкновению македонян и персов наибольший драматизм путем дублирования фактов. Поэтому здесь мы ограничиваемся рассмотрением главным образом рассказа Арриана в сравнении с другими источниками.

Первое посольство пришло к Александру в финикийский город Мараф (Агг. II. 14. 1-4; ср.: Curt. IV. 1-7). Согласно изложению Арриана, послы Дария должны были не только передать победителю при Иссе письмо от персидского царя, но и устно просить отпустить к Дарию его мать, жену и детей. В письме же подчеркивалось, что раньше при Филиппе и Артаксерксе Македония и Персия жили в союзе и дружбе. Сам Филипп первым несправедливо поступил с Аресом, хотя персы ничего плохого ему не сделали (II. 14.2). Дарий упрекал Александра в том, что он не только не захотел утвердить между ними старинную дружбу и союз, но вероломно вторгся с войском в Азию и «много зла сделал персам». Дарий вынужден был защищать свою землю и подданных. Он просит вернуть семью, попавшую в плен, и желает заключить с Александром дружбу и союз. В изложении письма Курцием Дарий не столько просит, сколько требует. За свою семью он предложил Александру столько денег, «сколько мог бы собрать со всей Македонии», советовал ему довольствоваться «отцовским царством», быть Персии союзником и другом¹³.

Ответ Александра решительно отвергал все попытки примирения. Законность своих действий последний обосновывал тремя выдвинутыми против Персии обвинениями, которые не было возможности ни доказать, ни опровергнуть. Первое обвинение было связано с отмщением за бедствия, причиненные

¹² Об этих переговорах в исторической литературе подробно изложено. См.: Ковалев С. И. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция // ВДИ. 1946. № 3. С. 56, сл.; Шофман А. С. Восточная... С. 256.

¹³ Ср.: Griffith G. T. The letter of Darius at Arrian 2. 14 // PCPhS. 1968. V. 194. P. 33—48.

персами Греции. Александр здесь объявляет себя не царем Македонии, а «предводителем эллинов», установившим в Элладе мир, который персидские послы старались разрушить различными подкупами. Второе обвинение касалось судьбы Филиппа II. Персы помогли Перинфу, восставшему с царем Македонии; Филипп умер от рук заговорщиков, оплаченных персами, о чем неоднократно они сами хвастались. Третье обвинение касалось самого Дария. Ставя вопрос относительно законности его царствования, Александр обвиняет его в том, что он с помощью Багоя убил Ареса и захватил власть «несправедливо и наперекор персидским законам». Поэтому он выступает как узурпатор, который сам начал враждебные действия, а Александр — как защитник своих прав. Курций добавляет, что письмо Дария вызвало у Александра сильное раздражение. В ответном письме повторяются обвинения, изложенные Аррианом. Пожалуй, в нем более подчеркнуто разорение персами Греции в период греко-персидских войн и подкупы врагов Македонии. Александр якобы обороняется от войны, а не идет войной. Дниодор сообщает, что когда Дарий написал письмо Александру, в котором просил за большой выкуп отпустить пленных, то обещал ему уступить всю Азию до реки Галис. Александр собрал друзей, но скрыл от них подлинное письмо и показал советникам другое, которое написал сам и которое соответствовало его намерениям. Послы ушли ни с чем (XVII. 39. 1-2).

В изложении всех этих источников ясно проявляются хитрость и тонкость дипломатической игры Александра. Он выступает как руководитель греков, защищает их интересы, не прощает нанесенных им обид. Все люди и страны должны знать, что, борясь за правое дело, он умсет быть милостивым и прощать противнику. Это было важно для его дальнейшей политики. Даже Дарию, не заслуживающему никакого снисхождения, он обещает, если тот придет с покорностью, отдать без выкупа мать, жену и детей. «Я умею побеждать и щадить побежденных» (Curt. IV. 1. 13). Александр назвал себя владыкой всей Азии и потребовал, чтобы Дарий обращался к нему как к своему царю.

Второе посольство Дария прибыло в тяжелое для Александра время осады Тира. Еще по дороге к городу Александра встретили знатные тирские послы, которые от имени всего населения обещали сделать все, что он прикажет (Agg. II. 15. 6-7). Курций указывает, что послы предлагали ему в подарок золотой венок, щедро и гостеприимно снабдив его удовольствием (IV. 2. 2.).

Поскольку тирийские послы уверяли Александра, что они готовы выполнить любое его приказание, он заявил о желании войти в город и принести жертву Гераклу. Это один из довольно редких случаев, когда дипломатия смыкается с военной хитростью, поскольку в случае удовлетворения этого требования армия Александра беспрепятственно заняла бы город. Не исключена вероятность, что он заимствовал этот прием из дипломатического арсенала своего отца, который в 339 г. до н. э. предложил аналогичные требования скифскому царю Атею, чтобы проникнуть в его земли (Just. IX. 2).

Тирийцы разгадали замысел Александра и отказались впустить его в город. Узнав об этом решении, Александр обратился с гневными словами к послам, которых недавно так благосклонно принял, «или вы впустите меня в город, или я возьму его силой» (Curt. IV.2.5-6). Началась осада Тира. Именно тогда, когда Александр был занят осадой, к нему пришли послы Дария с новыми, более значительными предложениями. Последний был готов, во-первых, поделить с Александром свое царство, уступив ему его средиземноморскую часть до самого Евфрата, включая Малую Азию, Сирию и Египет; во-вторых, изъявил желание породниться с ним, отдав в жены свою дочь и 10 тысяч талантов выкупа за свою семью; в-третьих, по-прежнему согласен на дружбу и союз (Arr. II.25.1).

Несмотря на уговоры некоторых сподвижников принять эти выгодные предложения, Александр снова отверг их, указав, что не нуждается в деньгах Дария и не примет вместо всей страны только часть ее; и деньги и вся страна принадлежат ему. А если он пожелает жениться на дочери Дария, то осуществит это и без его согласия, поскольку она находится у него в плену (Arr. II.25.3; ср.: Curt. IV. 1-7). Обращает на себя внимание факт, который приводит Арриан о том, что во время второго посольства Александр предлагает Дарию явиться к нему, если он хочет доброго к себе отношения (Plut. Alex. 29). Трудно представить, какие могли быть между ними добрые отношения, если один все отобрал у другого. Но то, что Александр может оказать расположение даже врагу, пришедшему к нему добровольно, должно было возыметь большое значение перед походом в страну фараонов. Еще будучи в Финикии, Александр начал переговоры с ее руководителями. Эти переговоры дали положительные результаты. Он был торжественно принят в пограничной египетской крепости Пелузии. Навстречу вышел наместник Египта Мазак,

чтобы передать страну, войско и казну¹⁴. На Востоке вообще, и в Египте в частности, он продолжил роль освободителя, но в отличие от Греции и Малой Азии, где он поддерживал то аристократию, то демократию, здесь Александр начал поддерживать монархию, поскольку Восток не знал ни демократических, ни республиканских традиций. Он стал называться фараоном и дорожил этим именем, особенно после посещения оазиса Сива. Само путешествие туда было важным и продуманным дипломатическим шагом. Получение от высшего жреца Египта титула сына бога Аммона, а стало быть и возведение в сан фараона увеличило авторитет Александра и его влияние. Проведение же особой религиозной политики, уважение местных религиозных традиций, покровительство жречеству еще больше усилили это влияние и авторитет¹⁵. Именно они дали возможность не только укрепить свои позиции, но и подготовиться к последнему решительному сражению с персами у Гавгамел. Перед этой битвой Александр произнес речь, полную дипломатического смысла (Plut. Alex. 33).

Победа на Гавгамельской равнине прежде всего решила судьбу персидского царя. Дарий бежал от Александра с небольшим отрядом приближенных, предводитель которых сатрап Бактрии Бесс решил избавиться от инертного царя, покончить с ним. Убив своего господина, он с группой сообщников бежал в свою сатрапию.

Можно представить, что бы сделал Александр со своим заклятым врагом, если бы поймал его живым. Курций влагает в уста Александра такие слова по отношению к Дарию: «...мне должно преследовать его, пока он не будет убит...» (IV.11.18). Но теперь, когда Дарий мертв и не существует больше препятствий, чтобы стать «законным» преемником Ахеменидов, Александр мог проявить великодушие, используя дипломатию в качестве вспомогательного средства. Он приказал похоронить персидского царя с подобающими почестями, преследовать и строго наказать его убийцу. Приказ был выполнен. Македонские войска достигли Бактрии и строго, по восточному обычаю, казнили Бесса.

Завоеванием этой сатрапии начался среднеазиатский период восточной экспедиции Александра Македонского // особенно упорным сопротивлением среднеазиатских пле-

¹⁴ Шахермайр Ф. Указ. соч. С. 147.

¹⁵ Шофман А. С. Религиозная политика Александра Македонского // ВДИ. 1977. № 2. С. 111—120.

мен и народностей против иноземных захватчиков. Александру пришлось здесь решать принципиально новые военно-политические задачи, которые вызвали к жизни специфические формы и черты дипломатии. Для последней в период 329—327 гг. до н. э. прежде всего характерно отсутствие прямых контактов с представителями местного населения. Это свидетельствует о силе и масштабах антимакедонского движения в этом регионе.¹⁶ Примечательно, что ни бактрийцы, ни согдийцы послов с изъявлением покорности не посылали, а Александр, в свою очередь, намеревался усмирить и подчинить их чисто военным путем. Однако, когда этот путь не давал ощутимых результатов, особенно в борьбе с воинами Спитамена, Александр применял и дипломатические средства. Только они в данной обстановке оказались действенными. Уговорами и обещаниями, дипломатическими ухищрениями ему удалось разъединить восставших, перетянуть на свою сторону местную знать и подавить восстание. Именно с этих пор Александр особенно старался привлечь восточную знать, приблизить ее к управлению, назначить на ответственные посты в государстве и в армии. С ней устанавливался не только чисто политический, но и социальный союз. Таким образом, Александр в ходе дипломатических акций закладывал управленческие основы своей державы. Его дипломатия служила интересам не только внешней, но и внутренней политики. Относительное усмирение жителей среднеазиатских земель дало Александру возможность осуществить поход в Индию, куда влекли его уже совсем другие планы и намерения.

Дело в том, что война отмщения, под флагом которой развивалась восточная кампания, окончилась. Персидское царство было уничтожено, Александр стал царем Азии, мечь осуществлена, цели похода выполнены. Пожар дворца в Персеполе стал символическим актом завершения «войны отмщения». Вполне закономерным было решение Александра отпустить на родину все эллинские контингенты, за исключением пожелавших остаться добровольно (Арг. III.19.5; Diod. XVII.74.3). Тем самым Александр показал, что он больше не является стратегом-автократом Коринфского союза, что его новые планы не нуждаются в этом союзе даже в виде моральной тыловой поддержки. Ему и так приходилось от греков и македонян скрывать отдельные детали этих планов. Миродержавные замыслы, которые в них присутствовали, были чужды

¹⁶ Hoff F. L. Alexander the Great and Bactria. Leiden, 1988. P. 52—70; Briant P. Op. cit. P. 56—61.

и тем и другим. Нужна была новая дипломатия в изменявшихся условиях, и она начала появляться уже в среднеазиатском походе, но особенно проявилась в Индии.

Индийский поход является качественно новым. Он ничего не имеет общего с планом панэллинского союза. Он задуман для осуществления мирового господства. На службу этой главной цели была поставлена дипломатия Александра, которая при этих новых обстоятельствах также вступает в новый этап.

В то время в Северной Индии отдельные царства и мелкие княжества вели упорную и продолжительную борьбу между собой. Александр использовал это соперничество, сталкивал, разъединял и соединял их друг с другом, вставал на сторону одних правителей против других, начал осуществлять лозунг «Разделяй и властвуй», который в Риме станет основным в международных делах. Так, например, зимой 328—327 г., когда Александр еще был в Средней Азии, к нему пришел раджа Таксила, предложивший свои услуги за обещание поддержки (Diod. XVII.86.4). Когда македонское войско подошло к приходу Инда Кофену, Таксила и другие индийские правители, по требованию Александра, вышли к нему навстречу (Arr. IV.22.6; Diod. VIII.10.1). Но в Индии было и другое. Раджи Пор и Абисар не захотели идти по пути Таксила и намерены были бороться с Александром. Более решительным в этом стремлении оказался Пор. Но его союз с Абисаром был непрочным (Arr. IV.8.3; ср. Diod. XVII.87). В битве при Гидаспе Пор оказался один на один с грозным противником, потерпел страшное поражение и был пленен. Казалось, ему грозила жестокая кара за непослушание. Но этого не случилось. Александр для закрепления своего положения на занятых индийских землях вновь прибег к дипломатии. Прежде всего он приблизил к себе побежденного Пору, вручил ему власть над его областью и даже присоединил к ней другие обширные владения. Источники объясняют этот факт тем, что индийский раджа возбудил в сердце Александра уважение своим мужеством и царским достоинством (Arr. V.18-19; Plut. Alex. 60). В действительности же за этими действиями Александра угадывался тонкий дипломатический расчет. Продолжая традиционную политику опоры на азиатскую знать, он хотел сделать могущественного и авторитетного раджу своим союзником, как и Таксилу, ставшего им добровольно. Это поведение Александра дало повод другим предводителям индийских территорий присоединиться к нему. Помимо Таксила и Пору (Arr. V.20.4) ему присягнули на верность и многие другие царства,

военные силы которых он стал применять против непокорных. Налицо стремление Александра использовать противоречия в индийском обществе для укрепления своей власти. Пользуясь поддержкой ряда индийских правителей, Александр намеревался продолжить поход вглубь Индии, но не смог осуществить этот план из-за решительного противодействия самой его армии у Гифасиса, требовавшей возвращения назад. Ни уговоры, ни угрозы, ни дипломатические уловки Александра не срабатывали. Полностью осуществить задуманное — покорить Индию и выйти к берегам Оксана — не удалось. Ему пришлось возвратиться. Эта неудача, однако, не уничтожила стремления к новым завоеваниям, к новым походам (Агг. VI. 14, 1-2). К их подготовке он приступил сразу по возвращении из Индии в Вавилон, который сделал столицей своего государства. Новые формы дипломатических отношений в изменившейся ситуации он не успел установить, помешала преждевременная смерть.

Все вышесказанное не подтверждает общего тезиса, выдвинутого О. О. Крюгером, что взаимоотношения между государствами в древности были чрезвычайно примитивны¹⁷. Не обоснованным нужно считать и мнение Ф. Шахермайра, который полагал, что искусство дипломатии было совершенно чуждо натуре Александра. Он вообще не признавал чужих государств, а следовательно, и дипломатических отношений с ними. Для него существовал один лишь вид внешнеполитических отношений — безоговорочная капитуляция¹⁸. Это утверждение не соответствует действительности, оно основано на субъективной оценке личности Александра, которого автор этого суждения считает человеком, «штурмующим всё и вся».

На самом деле дипломатия Александра полна примеров тонкого и гибкого лавирования, основана на ловкой демагогии, уступках и ложных обещаниях, на умении заключать выгодные договоры и союзы, на способности разъединять противников, создавать нужное для своих целей общественное мнение. Причем, в ходе восточной экспедиции дипломатическая деятельность Александра развивалась, видоизменялась, совершенствовалась. Она была иной перед началом восточной кампании, когда Александр прежде всего стремился и добивался дипломатическим путем создания условий для осуществления отцовской идеи похода на Восток; она изменилась,

¹⁷ Крюгер О. О. Указ. соч. С. 7.

¹⁸ Шахермайр Ф. Указ. соч. С. 142.

когда потребовалось проведение политики, служащей интересам Македонского государства, под прикрытием панэллинских лозунгов; она стала другой во время окончательного разрыва с исчерпавшей себя программой Коринфского конгресса и начала осуществления миродержавнических планов. Для каждого из этих этапов характерны свои тенденции, хотя отдельные дипломатические приемы нередко использовались на всех этапах деятельности Александра. О том, что дипломатическая деятельность последнего была активной, свидетельствуют не только различные связи и отношения, заключенные им с многочисленными странами и государствами и огромным племенным миром, но и обмен письмами, прием послов, прибывавших к нему с разных концов Земли для разрешения важных проблем взаимоотношений. То, что Александр рассматривал их каждый раз по-иному, свидетельствует о его богатом дипломатическом арсенале и изворотливости. Эти многочисленные формы дипломатического воздействия принесли ему ощутимые результаты.

Какие же связи и отношения существовали при Александре и широко им использовались?

Прежде всего, Александр с первых шагов самостоятельной деятельности, где только можно, стремился к союзам и заключал договоры «о дружбе». Так, например, после первых побед на Севере к Александру пришли послы от трибаллов и других независимых племен, живших возле Истра. Они просили у него дружбы и союза. Искали поддержки и кельты, хотя они не особенно опасались его ввиду удаленности своих земель. Пришли с ним к соглашению и пафлогонцы (Агг. II. 4. 1). В Ликийи Александр заключил договор с телмесцами (Агг. I. 24. 4). В Филликии вступил в союз с Библом и Сидоном (Агг. II. 15. 6). В Средней Азии дружественный союз был заключен с Фарисманом, царем хорезмийцев (Агг. IV. 15. 5), с европейскими скифами (Агг. IV. 15. 2), в Египте — с Киренаикой (Curt. IV. 7. 4; Diod. XVII. 49. 3), в Индии — с Таксиллой (Diod. XVII. 86. 4).

Что получил Александр от подобных дипломатических актов? Достигая известной степени зависимости этих племен и народностей от него, он использовал их военные силы для осуществления своих военных и политических планов. Очень часто при заключении таких договоров на первом месте стояло обязательство участвовать в военных операциях Александра (Агг. 19. 6; 28. 1.). Подтверждением этому может служить участие воинских контингентов трибаллов, иллирийцев, фракийцев в походе греко-македонских войск против

персов; не исключено, что они должны были платить и дань (Агг. I. 4. 6-8).

Договоры о совместных военных действиях были вообще весьма распространены¹⁹. Иногда заключался отдельный договор, но чаще всего он включался в общий договор «о дружбе». Так, кельты включили в договор «о дружбе» с Александром пункт о совместных военных действиях (Агг. IV. 15. 15). Обязались участвовать в совместных военных действиях и пафлонцы (Агг. I. 19. 6; 28. 1). Дружественный союз с Фарисманом дал возможность по просьбе последнего начать совместный поход против племен, живших у Эвксинского моря (Агг. IV. 15. 4-5), от чего Александр в связи с предстоящим индийским походом вынужден был отказаться. Но союз с ним имел для него важное значение, так как он лишил поддержки враждебные ему силы²⁰. Такое же использование военной силы он имел и в Индии.

Многие договоры совершались при решении спорных вопросов или при выражении покорности. Особенно это имело место в Средней Азии и Индии. В первом случае дипломатическим партнером Александра выступили кочевые народы — саки и массагеты, которых источники собирательно называют скифами. Курций сообщает, что недалеко от города Мараканда, где Александр нещадно опустошал и сжигал ближайшие селения, к нему прибыли послы скифов — амбийцев, сохранявших свободу со времени смерти Кира, и теперь желавших подчиниться Александру. Он обошелся с ними милостиво (VII. 6. 11-12). Интересно, что под предлогом заключения с ними дружбы он направил к ним свое посольство, цель которого состояла в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли ее народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением оно выходит на войну (Агг. IV. 11).

Следующая встреча македонян со скифами произошла у реки Танаис, на берегу которой Александр построил город своего имени. Это событие вызвало недовольство племен савков, которые собрались на противоположном берегу и стали обстреливать пришельцев из луков. Последовала кровопролитная схватка, в результате которой саки были обращены в бегство. В скором времени, как сообщает Арриан, к Александру явились сакские послы с извинениями за то, что

---

¹⁹ Крюгер О. О. Указ. соч. С. 37.

²⁰ Шофман А. С. Восточная... С. 474.

произошло. Они указывали, что в этих действиях против Александра участвовал не весь скифский народ, который выражает ему покорность, а шайки разбойников и грабителей. Александр ответил им «любезными словами» (IV. 5. 1). Курций также говорит, что Александр милостливо принял скифских послов (VII. 9. 19). Наконец, после второго покорения согдийцев, к Александру пришел Фратаферн, стоявший во главе Хорезма. Последний объединился с соседними по области массагетами и даками и послал людей уверить царя в своей покорности. Александр благосклонно выслушал их (Curt. VIII. 1. 8, 10).

То же самое было в Индии. Александр принимал посольства от городов с просьбами о пощаде и даровал ее (Curt. VIII. 10. 33-34). Одни, как Абисар, отдавали себя и страну по принуждению (Арг. V. 20. 5). Другие, как Пор, пока война шла на Гидаспе с его тезкой, послал к Александру заявление, что себя и свою страну отдает его власти. Арриан утверждает, что сделано это было скорее из несправедливости к первому Пору, чем из-за дружеского расположения к Александру (V. 21. 3). Когда греки подняли в Бактрах восстание, Александр принял сто послов от магов и оксидраков. Они сдались ему вместе со своими городами. Александр обложил их данью, приняв под свое покровительство (Curt. IX. 7. 12-14).

Сабарки также отправили к царю послов с выражением покорности всего племени (Curt. IX. 8. 7).

Имели место посольства от храмов, решавших религиозные вопросы, посольства с личными просьбами. Они решались главным образом в интересах Александра, его политики и престижа.

Важнейшим свидетельством широкого развития внешних сношений во времена Александра является сложившийся и упорядоченный посольский церемониал, а также множество разных посольств.

Что касается посольского церемониала, в это же время был дипломатической практикой выработан, пусть не всегда и соблюдавшийся, порядок приема послов. Он начинался, особенно в восточном ареале, с приема даров, количество и качество которых должно было повлиять на исход переговоров. Прием даров стал одной из форм дипломатического акта. Она сопровождалась речами послов или особо уполномоченных из знатных лиц, или передачей писем своих вождей и предводителей. Источники дают нам возможность уяснить, каковы были эти дары. Курций указывает, что послы киренцев, которые просили у Александра мира и дружбы, передали ему

дары, и искомое было достигнуто (IV. 7. 9). Содержание даров конкретно не названо. Но Диодор уточняет, что, когда Александр отправился к Аммону в оазис Сива, в середине пути его встретили послы из Кирены, возвезшие ему венец и великолепные дары, в том числе 300 колесниц. Приняв их, он заключил с ними дружественный союз и вместе со своими спутниками отправился дальше к храму (XVII. 49. 3-4). Когда к Александру пришло посольство от европейских скифов, оно поднесло ему от имени скифского царя дары, которые у скифов почитались за самые драгоценные; царь готов выдать за Александра свою дочь ради укрепления дружественного союза. Но последний от таких даров вежливо отказался (Агг. IV. 15. 2-5).

В Индии брат Абисара принес в дар Александру деньги и сорок слонов (Агг. V. 20. 5). Оксидраки принесли дары, которые считались у индов самыми почетными: 500 боевых колесниц с людьми (Агг. VI. 14. 3). Мусикан, узнав, что Александр идет на него, поспешно вышел ему навстречу с дарами, которые у индов ценились выше всего: привел всех слонов. Признавая неправильным свое поведение, он заявил, что и себя и народ свой отдает под власть его. Арриан указывает, что это был наилучший способ получить от Александра все, что нужно. И последний даровал ему полное прощение, восхищался его городом и страной и оставил ему власть над ней (VI. 15. 6-7).

Послов Александр принимал в огромном, роскошном шатре, специально предназначенном для таких приемов. Его окружали одетые воины. Сам царь и его приближенные должны были внушать страх и трепет на пришедших из других мест. Существовал, особенно в последние годы царствования Александра, определенный порядок, по которому царь принимал пришедшие к нему посольства. По свидетельству Диодора, получив список прибывших посольств, Александр сам устанавливал порядок их приема по степени важности (XVII, 113. 3). Первыми он принимал пришедших к нему с различными религиозными вопросами, затем выслушивал преподносящих дары, потом разбирал спорящих с соседями, после них принимал людей, прибывших по личным делам, и, наконец, протестующих против возвращения изгнанников. Всем посольствам он давал милостивые ответы и отпускал их, удовлетворив по возможности.

Посольств к Александру шло огромное множество, даже трудно перечислить те города, которые их посылали. По мере укрепления его международного престижа и авторитета как

владыки Азии эти посольские связи увеличивались и количественно и качественно. Были посольства в составе нескольких человек, были и большие. Как указывает Курций, в Средней Азии к Александру пришло 20 скифских послов (VII. 8. 8), а от малов и оксидраков — сто послов (IX, 7. 12).

В первую очередь на всем протяжении восточных походов к Александру не переставали приходить по разным вопросам греческие посольства. Так, когда Александр находился во Фригии, к нему прибыло посольство из Афин с просьбой отпустить афинян, которые воевали на стороне персов и были взяты в плен при Гранике, а теперь находились в Македонии узниками. Послы тогда ничего не добились. Александр предложил прийти за решением этого вопроса, «когда его предприятие счастливо закончится» (Агг. I. 29. 5). Курций более определенно говорит, что Александр заверил послов, что после окончания войны с персами «он прикажет возвратить к своим не только этих, но и остальных греков» (III. 1. 19). Арриан указывает, что в Мемфисе к Александру пришли многочисленные посольства из Эллады; и не было человека, которого бы он отпустил, не исполнив его просьбы (III. 5. 1). Курций уточняет, что в Египте он выслушал послов от афинян, родосцев и хиосцев. Афиняне поздравили его с победой и просили, чтобы пленные греки были возвращены своим; родосцы и хиосцы, которые жаловались на недостаточность гарнизонов: все получили то, что желали (IV. 8. 12; ср.: Агг. III. 6. 2). Зато он задержал лакедемонских послов и эллинов-наемников, посланных к царю Дарию, и посадил их под стражу. В то же время отпустил посольство Синопы, потому что этот город не участвовал в общеэллинском союзе и, находясь под властью персов, не совершил неподобающего; отпустил он и тех эллинов, которые поступили на службу к персам до заключения мира и союза с Македонией (Агг. III. 24.4.).

Прежде всего, обращает на себя внимание многочисленность посольств и разнообразие государств, из которых они были присланы. Хотя разные источники по этому поводу имеют разночтения, тем не менее они сообщают немало важных и интересных фактов. Так, Юстин сообщает, что в Вавилон к Александру прибыли послы из Карфагена, других африканских государств, а также из Испании, Сицилии, Галлии, Сардинии и Итальянских республик (XII. 13). Диодор говорит о прибытии посольских делегаций из Ливии и Северной Африки, от эллинских городов, от иллирийцев, фракийцев и галатов (XVII. 113. 2).

Арриан считает довольно вероятным рассказ о том, что, отправившись в Вавилон, Александр встретил много послов из Эллады, в том числе и послов из Эпидавра. Он удовлетворил их просьбы, послал с ними приношения Асклепию (VII. 14. 6). Арриан предполагает, что большинство эллинских послов явилось в Вавилон, чтобы увенчать Александра, поздравить его с победами, особенно с теми, которые он одержал в Индии, и сказать, как они рады его благополучному возвращению. Александр принял их, правда, не от имени Коринфского союза, а от имени отдельных греческих городов, оказал им подобающие почести и отослал обратно. Все драгоценности, которые в свое время Ксеркс вывез из Эллады, он отдал обратно эллинским послам (VII. 19.2). Последние, подойдя к нему, надели на него золотые венки, словно он был богом, а они — пришедшие почтить бога (VII. 23. 2). Это подтверждает и Курций (X. 2.4) Если учесть, что раньше Александр выступал перед греками в качестве бога осторожно и редко (Plut. Alex. 78), то акция со стороны эллинов, на заключительном этапе восточной эпопеи, выглядит как важная уступка с их стороны Александру в его притязаниях на божественное происхождение и, следовательно, на амбиции, присущие только богу.

Все вышесказанное неопровержимо свидетельствует о том, что дипломатические связи Александра с греками не прерывались на всем протяжении его бурной деятельности, и когда он осуществлял ее под знаменем панэллиннизма, и когда эта панэллинская идея была отброшена, а его обязательства перед греками выполнены.

Однако посольские связи не ограничивались греческими посольствами. Александр принимал много послов из восточных городов, скифских и индийских племен. Особенно много посольств было, когда он вернулся из Индии в Вавилон, и мечтал о новом, большом походе на Запад. Диодор говорит, что в этом году (323 г. до н. э.) пришли посольства со всех концов ойкумены (XVII. 113. 1). Вернувшись в Вавилон, Александр, кроме перечисленных, принял посольство от ливийцев, которые воздавали ему хвалу и увенчали его как царя Азии. За ними пришли посольства из Италии от бруттиев, луканов и тирренов. Посольство прислали даже карфагеняне, которые еще во время осады Александром Тира убеждали тирийцев, чтобы они мужественно вынесли осаду, обещая скорое прибытие помощи из Карфагена (Curt. IV. 2. 10). После взятия Тира Александр карфагенских послов пощадил, но объявил их городу войну, которая из-за крайних об-

стоятельство была отложена (Curt. IV, 4, 18). Чтобы избежать этой напасти и заручиться благорасположением победителя, было послано новое карфагенское посольство; пришли послы от эфиопов и европейских скифов; пришли кельты и иберы просить дружбы и рассудить их взаимные споры. Эллина и македоняне впервые тогда услышали их имена и увидели их одеяния.

Арист и Асклепиад, два автора, писавшие о деяниях Александра, сообщают, что посольство к нему прислали и римляне. Встретившись с этим посольством, он осмотрел парадную одежду послов, обратил внимание на их усердие и благородную манеру держать себя, расспросил о государственном строе их города и предсказал Риму его будущую счастливую судьбу.

Арриан рассказывает о прибытии римских послов как о событии не безусловно достоверном, но и не вовсе невероятном. Он обращает внимание на то, что никто из римлян не упоминает об этом посольстве. О нем не рассказывают и биографы Александра — Птолемей Лаг и Аристобул. Кроме того, кажется невероятным, чтобы римское государство, пользовавшееся тогда наибольшей свободой, отправило посольство к чужеземному царю, находящемуся так далеко от самой родины римлян. Поэтому посольство к Александру не имело реального смысла. Оно не могло быть вызвано ни страхом, ни расчетом (VI. 15. 4-6).

Цели всех этих посольств Диодор определяет следующим образом: «Одни поздравляли царя своими успехами, другие подносили ему венки, некоторые заключали союзы, многие привозили роскошные дары, некоторые оправдывались в обвинениях, которые на них возводили». (XVII, 113. 2).

Как следует из этого сообщения, главная задача послов сводилась к установлению дружеских, пусть даже неравноправных отношений с Александром, который и самому себе и окружающим явился владыкой мира. Это доказывается также и тем, что к нему должны были прибыть посольства на праздники и пиры, которые он устраивал (Diod. XVII. 16. 4; Curt. IX. 17-25), а также на торжественно-траурные церемонии. Особенно ярко это проявилось во время похорон Гефестииона.

Как же относился к этим посольствам сам Александр? Какие политические выводы он мог из них извлечь для себя?

Принимая большое количество посольских делегаций, Александр стал проникать в проблемы не только Востока, но и Запада. Ему стало казаться, что его неудача в Индии, за-

ставившая вернуться обратно, является частной, не главной, что при подготовке к новым походам на Запад эти посольства, пришедшие в Вавилон, служат важным дипломатическим прикрытием его замыслов. Он охотно припимал от посольств подарки и добрые пожелания, решал их споры и взаимные претензии. При их помощи он мог познакомиться с особенностями международных отношений в разных географических регионах, и впоследствии использовать политические противоречия между различными государствами вместе с этническими в племенном мире, в осуществлении своих завоевательных планов. Отношение к разным посольствам у него было неодинаково: к одним — благосклонное, других журил, на третьих оказывал определенное давление. Например, в последнюю очередь, и с известным пренебрежением он разбирал дела представителей греческих городов, которые возражали против возвращения по его требованию изгнанников и ухода Афин с острова Самоса. Это приказание было грубым вмешательством во внутренние дела греков и ознаменовало начало отмены их законов (Curt. X. 2. 4). Этими действиями Александр еще раз подчеркнул свое право на исключительную роль в международных делах.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что дипломатия Александра была важным средством решения вставших перед ним внешнеполитических задач. Она выступала, как правило, в тесном взаимодействии с военными мероприятиями и служила чаще всего для закрепления и утверждения достигнутых военным путем результатов.

Дипломатическим же путем Александр создавал нужное ему общественное мнение; использовал борьбу различных партийных группировок для достижения своей цели; разъединял восставшие против него силы и оппозиции. Свое дипломатическое искусство он проявлял также в политических и религиозных демонстрациях; в дипломатических играх как со своим войском, так и с покоренным населением; в проведении тонкой политики взаимоотношений с побежденными странами и народами.

Дипломатическая деятельность Александра не только способствовала политике экономического, политического и культурного сближения Запада и Востока, но являлась частью этой политики. Поэтому в процессе становления нового эллинистического порядка дипломатия Александра сыграла далеко не последнюю роль.